

Он с неудовлетворением провел указательным пальцем по каждому иероглифу, скользя от начала страницы до самого конца, не пропустив ни одного символа, словно пытаясь погрузиться в книгу лицом к лицу с этими знаками. И всё же, к своему отчаянию, он не смог понять ни одного из них!

Целая страница!

Ни одного знакомого иероглифа!

Бай Кэ почувствовал, что его самовосприятие снова подверглось сокрушительному удару. Впервые в жизни он действительно ощутил себя невеждой.

Однако Линь Цзе был прав в одном: помимо врожденной отстраненности, в глубине души у Бай Кэ было правило: «Лучше умереть, чем потерять лицо».

Он сидел с прямой спиной, с каменным выражением лица, словно вступив в противостояние с книгой, лежащей на столе. Это продолжалось целую вечность, после чего он молча поднялся, с достоинством, несвойственным его уровню мастерства, взял книгу, отряхнул несуществующую пыль с рукава и неторопливо направился к Хо Цзюньсяо.

В тот момент Цзюньсяо, прислонившись к старому дереву и скрестив руки, с расслабленной, но умиротворенной позой наблюдал за Бай Кэ уже целый полдень, не сдвинувшись с места.

Когда он увидел, как высокий и худощавый юноша приближается к нему неторопливыми шагами, в мгновенном ослеплении от света, ему показалось, что он видит перед собой Бай Линчэня, достигшего великого мастерства и ставшего главой Врат Юйшэн. Однако через секунду свет слегка сместился, и лицо Бай Кэ, совсем не похожее на лицо Бай Линчэня, стало четче. Красноватое родимое пятно вокруг глаз снова бросилось в глаза Цзюньсяо, и его выражение стало мрачным.

Его беспокоило не что-то конкретное, просто ему было жаль юношу.

Хотя, когда он впервые увидел Бай Кэ, он действительно смотрел сквозь этого стройного подростка на того, кто пять тысяч лет назад стоял на вершине Юньфу, чистый и холодный, как снег, глава Врат Юйшэн.

Но после нескольких дней общения он заново узнал Бай Кэ. Во многом он отличался от Бай Линчэня. Бай Кэ был Бай Кэ, а глава Врат Юйшэн — главой Врат Юйшэн. Их внешность, характер, привычки и предпочтения в жизни имели свои различия.

Однако несомненно, что они обладали одной и той же душой. Под разными оболочками скрывалась одна и та же сущность. Будь он Бай Линчэнем, Бай Кэ или кем-то еще, был ли он главой школы, великим мастером, свободно странствующим по миру, или простым человеком, живущим в трудностях и забившимся в угол, для Цзюньсяо он всегда оставался тем, кем он восхищался и кого любил на протяжении тысячелетий.

Это был просто один и тот же человек, проявляющий себя по-разному в разные времена и при разных обстоятельствах, но в конечном итоге это был он.

Цзюньсяо вспомнил слова, которые Бай Линчэнь произнес много лет назад из-за своей судьбы.

Он говорил, что те, кто оказался в такой ситуации, сделали свой выбор сами, и винить в этом некого, и это не было вызвано каким-то абсурдным пророчеством о том, что он приносит

несчастье всем вокруг.

Он говорил, что даже если бы они поменялись местами, изменили статус или многие другие вещи, при столкновении с определенными событиями они, вероятно, сделали бы тот же выбор, потому что некоторые вещи в их сути никогда не изменятся.

И то, что не меняется, и есть настоящая судьба.

Цзюньсяо смотрел на Бай Кэ, подошедшего к нему, и снова вспомнил эти слова.

Неважно, в каком облике этот человек появляется в этом мире, в его сути всегда есть что-то, что никогда не изменится, даже если между ними пройдут тысячелетия, словно моря превратятся в поля, а небеса сойдут на землю.

Это и есть его судьба.

Когда он смотрел на Бай Кэ своими глубокими, как бездна, глазами, готовясь что-то сказать, он увидел, как этот высокий и стройный юноша с каменным лицом поднял книгу, которую держал в руке, и поднес ее к Цзюньсяо. С холодным выражением и слегка жестким голосом он произнес:

— Извини, я не умею читать.

Цзюньсяо замолчал. Судьба, превратившая его возвышенного учителя в это, действительно ли еще не поздно пойти против небес?!

Хо Цзюньсяо молча поднял взгляд к небу, его выражение было таким, словно он вот-вот собирается пройти небесную кару.

Он мысленно проклял небеса, которые играют с людьми без предупреждения, на пять секунд, затем опустил руки, выпрямился и, опустив взгляд на Бай Кэ, с обычным спокойным и глубоким выражением лица взял книгу, которую юноша держал с явным отвращением, и сказал:

— Пойдем, я научу тебя читать слово за словом.

Затем он естественно обнял Бай Кэ и широким шагом направился в дом.

Снаружи, склонившись над низким бамбуковым столом и держа в руках другой том древнего текста, Линь Цзе с выражением «черт возьми» обернулся к спине Цзюньсяо, исчезающей в доме, и крикнул:

— Учитель! Я тоже не умею! Возьмите и меня! Вместе веселее! Учиться вместе — это радость!

Ответом ему был громкий звук захлопнувшейся двери.

Линь Цзе растерялся. Закрывать деревянную дверь с таким звонким звуком — учитель, видимо, постарался.

Затем холодный, но строгий голос Цзюньсяо прозвучал сквозь узорчатое окно:

— Десять лет учения отправились в желудок Арахису? Если не дочитаешь до заката, завтра будет дополнительное наказание, без обсуждений.

Лежащий на бамбуковой подстилке и дремлющий Арахис величественно поднял голову, прищурился на плотно закрытую дверь дома, фыркнул и снова опустил голову на сложенные передние лапы, засыпая.

— ...Твой учитель знает, что ты так предвзят?! — воскликнул Линь Цзе. Как тебе не стыдно!

— Знает, — отозвался Цзюньсяо.

— ...Твой учитель знает, что ты такой свирепый?!

— Он был ко мне еще свирепее, чем я к тебе.

Линь Цзе умолк.

Бай Кэ, вошедший в дом, снова смотрел с легким недоумением.

Юй Сянь, несущий кувшин с вином и возвращающийся из какого-то уголка тайной сферы, с грохотом поставил кувшин на стол перед Линь Цзе, сел, скрестив ноги, и сказал:

— Чего застыл и пялишься на эту лачугу? А? На дверях цветы расцвели? Лень — главный враг. Ну-ка, я присмотрю за твоей учебой! Если до заката не освоишь эту книгу, Арахис тебя пережует на закуску, веришь?

Линь Цзе растерялся. Жестокость, видимо, передается из поколения в поколение! Любовь в школе — это, видимо, только в книгах бывает!

Войдя в дом, Цзюньсяо взмахнул рукавом, и каменный стол со стульями исчез, уступив место письменному столу у узорчатого окна и двум стульям перед ним.

Бай Кэ, направляясь к столу, оглянулся на закрытую дверь и сказал:

— Не слишком ли жестоко оставлять Линь Цзе снаружи?

Цзюньсяо, не меняя выражения лица и не оборачиваясь, спокойно ответил:

— Слишком раздражает, глаз лишний. Лучше не видеть, чище будет.

Хотя в душе он думал: «Чтение — это такое увлекательное занятие, что лучше всего его делать вдвоем».

Видимо, он в некотором роде унаследовал от своего учителя склонность к тому, чтобы «лучше умереть, чем потерять лицо».

Он положил древний текст на стол, отодвинул стул, чтобы Бай Кэ сел, а сам сел рядом. Его поза напоминала позу родителя, наблюдающего за своим ребенком, читающим книгу.

Бай Кэ слегка поежился. За всю свою жизнь его еще никто не учил так близко. Даже тетюшка Пан, когда давала ему дополнительные уроки, всегда сидела напротив через стол.

Стол, вероятно, был немного низковат для Цзюньсяо, но для Бай Кэ он был в самый раз. Он не знал, из какого дерева был сделан этот стол, но его темно-коричневая поверхность выглядела древней и массивной, с едва уловимым ароматом, успокаивающим ум.

За узорчатым окном с изображением журавлей и бамбуковых листьев шелестели листья

облачного бамбука. Чуть дальше стояло огромное и толстое цветущее дерево, но Бай Кэ не знал, что это за цветы. Небольшие белые соцветия, словно звезды, скрывались среди листвы, и время от времени легкий ветерок тайной сферы срывал несколько лепестков, которые падали на узорчатое окно, создавая утонченную атмосферу.

Такой вид был бы прекрасен даже для обычного человека, но для Бай Кэ он был особенно спокойным и умиротворяющим.

Даже неграмотный Бай Кэ, находясь в такой обстановке, смотрел на раскрытый древний текст на столе с меньшим отвращением, и те иероглифы, которые раньше казались каракулями, теперь выглядели гораздо красивее.

Хо Цзюньсяо, проживший более пяти тысяч лет, вероятно, никогда не учил кого-то читать с таким терпением, но он нисколько не чувствовал раздражения. Напротив, он был невероятно доволен.

Он смотрел на стройный профиль Бай Кэ, склонившегося над столом, слушал едва слышное пение птиц в лесу, и в его сердце царили мягкость и покой. Воспоминания о прошлом, тысячелетней давности, нахлынули на него.

<http://bllate.org/book/16844/1550026>